

Секретный агент Багира

Марина Серова

Ваша карта бита

«Научная книга»

Серова М. С.

Ваша карта бита / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Секретный агент Багира)

© Серова М. С.
© Научная книга

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Марина Серова

Ваша карта бита

Глава 1

Дверь трамвая с грохотом отъехала в сторону, и я вышла из вагона. Поправив лямку сумки, переброшенную через плечо, я, не торопясь, но и не медля, пошла по тротуару вдоль чугунной решетки ограды, за которой темнели корпуса информационного центра. Голые ветви деревьев от дуновения ветерка с легким шорохом терлись о кирпичные стены, постукивали друг о друга, и эти звуки были хорошо слышны в тишине раннего субботнего утра.

Я ежилась от холода, ощутило пробиравшего сквозь комбинезон из тонкой, но прочной плащовки, шерстяные колготки и свитер, и жалела, что не захватила с собою перчатки. Мягкие сапожки позволяли двигаться по асфальту совершенно бесшумно. Это было важно, потому что я собиралась непрошеной гостьей проникнуть внутрь главного корпуса регионального информационно-вычислительного центра и похозяйничать там, не привлекая внимания охраны. Подвал и чердак интересовали меня больше всех прочих мест, где люди бывают чаще, так как я намеревалась искать и надеялась найти труп человека, который еще вчера, во второй половине дня, был жив, и обнаружить возле него что-то, что навело бы на след убийцы.

Парк вокруг корпусов я осмотрела самым внимательным образом еще вчера и сейчас ориентировалась в нем вполне свободно. Даже дыры в чугунной ограде помнила все до единой.

Сквозь одну из них мне предстояло проникнуть сейчас на территорию вычислительного центра, и сделать это нужно было как можно скорее, но не раньше, чем удастся выяснить, выставлены ли наружные посты охраны, и если да, то – где. И каков их сектор обзора. Вечером охраны на улице не было. Да и не могло быть. Наружная охрана выставляется после окончания рабочего дня, это правило общее для объектов такого рода.

Засыпаться, нарвавшись на охранника... Глупее этого вряд ли что придумаешь. Случись такое, придется оправдываться и уходить прочь, поставив крест на экскурсии по чердаку. Вчерашним вечером мы с Базаном посмеялись, выискивая наивыгоднейшие варианты моего поведения при таком проколе. Сейчас было не до смеха. Да и холодно еще...

«Холодно!» – прошептала я, сжимая в кулаки пальцы упрятанных в карманы куртки рук.

Знобко было и от предстоящего дела. Оно меня, мягко говоря, не радовало. Если б можно было выбирать, отказалась бы с удовольствием от такого начала. Эту часть работы Суров вполне мог поручить мужчине. К сожалению, в ситуациях, подобных этой, когда в дело необходимо вникать спешно и не пренебрегая ни малейшей возможностью практического изучения его деталей, Гром из товарища превращается в начальника, не знающего, что такое снисхождение.

Светало по-осеннему нехотя. Редкие фонари на территории центра освещали лишь небольшие участки двора. Наступало время, когда внимательные, привыкшие к полумраку глаза хорошо различат любую замочную скважину, а самого человека, медленно передвигающегося, да еще одетого во все темное, заметить непросто уже с расстояния десятка метров.

Со вздохом я вернулась к примеченной накануне дыре в ограде и, протиснувшись в нее, двинулась к зданию, ступая всей подошвой сразу по сухой от морозца подстилке из опавших листьев. Свернула за угол, шагов через двадцать повернула еще и очутилась в маленьком, укромном дворике с громадным вязом посередине, штабелем старых досок вдоль стены и будкой вентиляционной шахты за ними. Для меня она – гостеприимно распахнутые ворота в подвал.

Смазав ржавый замок, я вставила в него отмычку. Пришлось немножко повозиться, прежде чем дождалась от механизма вожделенного щелчка.

Пристроив замок изнутри на решетку оконца, я притворила за собою дверь и, очутившись в кромешной тьме, по скобам, торчащим из стенки кирпичного колодца шахты, спустилась вниз, в глубину. Здесь было гораздо теплее и тянуло сухим сквознячком из подвальных недр. Где-то неподалеку должна быть дверь. Или люк в стенке. Придется здесь поплутать, полагаясь на свою способность ориентироваться в пространстве и интуицию.

Я засветила маленький, но яркий фонарь и осмотрелась. Изъеденные временем кирпичные стены, цементный выщербленный пол и низкий ход, ведущий в сторону здания.

Сняв комбинезон, я плотно его свернула и, упаковав в полиэтиленовый мешок, пристроила в углу, где посуше. Дальше пойду налегке.

Подвал, по крайней мере, легкодоступная его часть, мне понравился. Признаться, я думала, что окажусь в более мрачном месте. Единый, безо всяких перегородок, широкий и низкий коридор с поворотами и со множеством надежно запертых дверей. Общий осветительный щит располагался возле лестницы, ведущей наверх. Через некоторое время, начерно разобравшись в схеме, я включила аварийное освещение. Несколько тусклых лампочек загорелось на потолке, между аккуратными люминесцентными светильниками. Десятка минут хватило мне для того, чтобы обойти подвал, заглянуть в ответвления, осмотреть все двери, проследить направление силовых кабелей, осветительной проводки и линий сигнализации. Оказалось, что у господина Степанова, местного начальника, интересы которого мне сейчас дороги, как свои собственные, хозяйство содержится в образцовом порядке.

– Тебе, Юленька, предстоит искать черную кошку в темной комнате, – порадовал вчера меня изречением Артемий Базанов, подбирая снаряжение, подходящее ко всем случаям жизни, в ответ на мои возражения против такой горы шпионского добра. – Бери и не сомневайся, много не покажется, когда нужда посетит. Ах ты, а главного-то и нет! Старье нам сплавляют господа начальники. Я уж говорил Андрею... – сокрушался он, копаясь в закромах, размещенных у него по-простому, под сиденьем раскладного дивана с потертой обивкой. Красный олень с затрапезного коврика, висевшего на стене над диваном, смотрел на меня грустными глазами.

Расположившись на низкой скамеечке возле дивана, с культияпкой ноги, в пол упертой, Артюха был похож на помолодевшего на десяток лет, покалеченного Гобсека, с бережливой осторожностью перебирающего свои сокровища. При этом его глаза сияли радостью и удовольствием профессионала, занятого любимым делом.

– Тебе бы трупоиискатель... – он задумчиво поскреб подбородок и усмехнулся, увидев, как меня покорило от одного этого слова. – Знаешь, есть сейчас такие – не больше плеера, а датчик в ладони умещается. Сигнал звуковой частоты через наушники. Ну да ладно. Не время лекции читать по новой технике. Бери, что есть, и будь благодарна.

Нет, оружие тебе ни к чему! – запротестовал Артемий, увидев, что я взяла и открыла футляр с маленьким, в половину ладони, но смертоносным четырехзарядным – пистолетом его не назовешь – устройством, на первый взгляд непонятного назначения. – А вот это возьми, – он протянул мне черную круглую коробочку с присоской. – Голосовой модулятор. Тоже из простейших. Но для того, чтобы перековать твой ангельский голосок в мужицкое ворчание, его хватит. Бог весть кому звонить придется. Можно и на конкретный тембр настроить. Стоит только передвинуть рычажок, вот этот, видишь? Но чтобы он «взял характер», надо говорить с абонентом, на которого хочешь настроиться, не менее трех минут.

В воду смотрит Базан, или Суров уже проинструктировал его на предмет моих планов. Говорил мне Гром о модуляторе по дороге сюда, нужен, мол, будет, чтобы не забыла, взяла обязательно. И про черную кошку в темной комнате с его слов вспомнил Артемий. Андрею

я ответила, что черную кошку в темной комнате искать действительно трудно, особенно если ее там нет.

Андрей Леонидович остановил машину сразу после нашей пикировки по поводу черной кошки. Оказалось, что мы уже добрались и находимся на улице, соседней с той, на которой стоит домишко Артемия.

Машину Андрей прижал настолько близко к высокому, в полтора моих роста, штакетнику, что ветви дерева, стоящего по ту его сторону, свешивались над ней, чуть ли не скребли по крыше. Белый свет фонаря, стоящего поодаль, не достигал этого места, и здесь было темно.

Выключив двигатель, Суров повернулся ко мне всем телом. Я поняла, что сейчас последует напутствие и его поминай как звали, а я останусь при своих сомнениях и недовольствах.

– Может же быть такое, что тела нет в информационном центре? – предложила я вариант, вполне имеющий право на существование.

– Есть! – ответил мне Гром убежденно и поспешил уточнить: – Она еще там. Пока ее оттуда не вывезли. А вывезти будут стараться как можно скорее, потому что на смерти этой женщины строится весь шантаж господ Степановых. Так что ее труп для степановских рэкетиров сейчас драгоценен. Найди ее, Багира! Или хотя бы проследи место, куда они перебросят тело.

Вот так – как всегда. Лишь необходимый на данный момент минимум информации. Кто они-то? С кем мне придется иметь дело? Спрашивать начальство при получении задания агенту воспрещается. Предполагается, что оно, начальство, и так не упустит ничего существенного.

В этот момент и захотелось мне напомнить Андрею, что я не только Багира, а еще и Юлия. И прежде всего Юлия, а потом уже все остальное. Ну, нелепо посылать меня искать мертвое тело!

Я встретила с Суrowым взглядом и поняла, что он видит и понимает мое возмущение и глаза у него усталые и почему-то тоскливые. Вдруг захотелось погладить его по впалой щеке...

– Я постараюсь, – вырвалось у меня вместо протеста.

– Не сомневаюсь, – ответил он сухо, но губы его тронула слабая, сочувствующая улыбка все понимающего и даже отзывчивого человека.

Все необходимые причиндалы, вместе с модулятором, Базан сам разложил по дну и стенкам моей сумки, в многочисленные кармашки и под резиночки. Устроил на место подкладку и вручил сумку мне торжественно и серьезно.

– Готово. Скатертью дорожка тебе, Юленька. Одиннадцатый час! – напомнил, увидев, как мои брови поползли вверх от его, нелюбезного на первый взгляд пожелания. – Как выбираться-то будешь из моей трущобы?

– А мне Гром машину оставил! – сообщила я тихо и радостно. – Серую «Ниву». Привез на ней сюда и отдал ключи.

– И документы? – воскликнул Базан, будто поглупел от неожиданности.

– Вместе с ключами. И доверенность, и права. Все как положено.

– Ну, ва-аще! А я что-то про модулятор толкую. Тогда давай чай пить. Заодно дело обсудим, если не возражаешь.

Еще бы возражала я против того, чтобы воспользоваться его головой и опытом контрразведчика с доперестроечным стажем! За чаем Базан и подсказал мне идею о сигнализации. И вот она, линия. Основная, общая, проложена открыто, без премудростей. Ответвления от нее – к каждой запертой двери, и сквозь них – внутрь помещений.

Я обошла подвал еще раз, не пожалела времени. Сигнализация здесь повсюду. Информационный центр все-таки, имеющий выход на российские архивы, в том числе и на «секретку», наверное. Статистика, господа, дело тонкое. И в ней есть такие разделы! Впрочем, мне глубоко безразлично, что находится за этими дверями. Потому что тела Роминой Тамары Викторовны,

двадцати пяти лет от роду, сотрудницы здешнего секретариата – бывшей теперь уже сотрудницы – за этими дверьми нет. Нет, потому что не может быть его в принципе в помещениях, оборудованных сигнализацией. Это мы с Базаном обмозговали специально, перебрав за чаем все возможные варианты.

Дело в том, что Тамара Ромина, как утверждается, была убита именно в здании вычислительного центра. Если только Гром и те компетентные лица, с чьей подачи он сообщил мне это как данность, не ошибаются. Живой и здоровой вчера ее видели незадолго до конца рабочего времени. При здешней пропускной системе выйти из здания раньше срока, миновав охрану, трудно, а уход Тамары охраной не зарегистрирован. И «Нива» ее серая, такая же, как суровская, что сейчас предоставлена в мое распоряжение, до сих пор стоит во дворе вычислительного центра. Я видела, когда проходила мимо. А после шести вынести из здания что-либо крупное, например, тело, трудно. Велик риск всполошить охрану. Но и прятать труп за дверь с включенной сигнализацией неразумно так же, как неразумно его скрывать на одном из этажей.

Сегодня хоть и суббота, но народ в здании будет. Однако далеко не все двери, особенно в подвале, будут открываться в субботу. Так что сигнализация, на наш с Базаном взгляд, достаточно гарантия того, что там, где она есть, тела Тамары быть не может. Но не следует приписывать убийцам ловкости профессионалов. Надо проверять варианты. И прежде всего наиболее вероятные и простые из них. И не сомневаться надо, а работать, делом заниматься, если уж деваться некуда.

Достав из сумки униформу сотрудников вычислительного центра – халат бледно-зеленого цвета и такую же шапочку, фасоном напоминающую медицинскую, я облачилась в них и, наскоро глянув на себя в зеркальце, потопала вверх по лестнице, уверенно, но по-прежнему стараясь шуметь как можно меньше. Начало девятого, суббота. Даже для добросовестной до ретивости ранней пташки рановато.

Я оказалась не права. В здании были люди. В коридорах изредка раздавались шаги, и кое-где хлопали двери. Это прибавило мне уверенности.

– Если не найдешь ничего подозрительного в подвале и на чердаке, не задерживайся там, – советовал мне Артемий, – уходи из корпуса и начинай работать по второму варианту.

Второй вариант нуждался в проверке не менее первого. Это когда тело вынесли-таки из корпуса, но с территории вывезти не успели по причине перехода охраны на ночной вариант несения службы, и скрыли где-нибудь во вспомогательных помещениях – столовой, электроподстанции или в гараже. Я сомневалась в такой возможности, но Базан высмеял меня.

– Хорошо, будь по-твоему, – согласился он, блестя озорными глазами, – тем более если сомнения твои основаны на способности поставить себя на место негодяев. Но я посмотрел бы, с каким выражением лица ты будешь тащить большущий тяжелый мешок, ну хорошо, сверток, сквозь дыру в заборе. Юлька, это водевиль! – закончил он и с победным видом отбросил со лба седую прядь.

Я улыбалась и думала, что все равно поступлю по-своему, так, как подскажет мне чутье и опыт. Возможно, и по этажам пройду, в помещения загляну, и ничего страшного не произойдет, если помаячу немного на глазах работников центра и охраны, задам одному-другому пару вопросов вполне безобидных, но способных навести меня на след. Словом, буду действовать по обстановке.

– Будь проще, Юльк, – бубнил он в чашку, – не предполагай в поступках убийц особой изощренности. Даже такие, кто из-за тупости не способны по-настоящему испытывать страх, сделав дело, находятся в состоянии стресса, перестают следовать разработанным схемам и глупят почем зря. Поэтому даже у профессионалов лучшие оперативные планы просты до безобразия. Ну, ты сама знаешь.

Я по-прежнему молча улыбалась, смотря на него, и Базан на секунду смутился, принялся извиняться за изречение прописных истин.

– Девушка, одну секунду, задержитесь, пожалуйста!

Строгий, но вежливый окрик эхом прокатился по просторной лестничной клетке. Снизу, догоняя меня, прыгал через две ступеньки ладный, коротко стриженный гвардеец в синей пятиконтурной форме.

«Охрана!» – екнуло сердце. Со страху я ответила ему грубо:

– Чего тебе?

– Вы, по-моему, со второго этажа вышли? Вы из секретариата? Не видели, Любовь Андреевна уже на месте? – вопросы сыпались из него и гремели в столь дорогой мне тишине. – Передайте ей, что звонил Степанов, сказал, что сегодня задержится, а если будет что срочное, пусть позвонит ему по номеру...

Он назвал номер телефона, и я, слегка опешившая от его делового натиска, повторила вслух номер после того, как с запозданием пробормотала:

– Не видела... Передам, как увижу...

«Дурочка, напугалась!» – отругала я себя, провожая его взглядом.

Чердак оказался еще лучше подвала. Сплошь служебные помещения, и два или три из них уже открыты – моргают экранами компьютеры на узких черных столах. А я-то по простоте душевной представляла себе потемневшие от времени деревянные стропила в пыльных клочьях паутины, скрежет старого шлама под подошвами и светлые пятна возле слуховых окон.

Постояв недолго возле одной из открытых дверей, подивившись, как лихо, всеми пальцами сразу, стучит по компьютерной клавиатуре бесполое юное дарование в больших очках на вздернутом носике, я, подмигнув в ответ на его улыбку, пошла отсюда прочь.

«Найди ее, Багира!» – вспомнила громовское. Я что, ищейка? Или датчик трупоиискателя, свободно умещающийся в ладони? В отчаянье приходиться рано, а призадуматься – самое время. Я призадумалась так, что, спустившись в вестибюль, чуть было не поперла на выход через гвардейские турникеты. Хотя почему бы и нет?

Быстрыми шагами подлетая к никелированной вертушке, я глянула через плечо – лестница в подвал была перегорожена фигурной решеткой. Дневная смена отнеслась добросовестно к своим обязанностям. Хороша бы я была, поверни сейчас туда.

– Ребята, узнайте, пожалуйста, чужая машина через ворота не проезжала? – прошептала я, наклоняясь к полукруглому окошечку в прозрачной стене.

– Какая? – переспросил тот самый молодец, что загрузил меня на лестничной клетке поручением к Любове Андреевне, а его коллега, сидящий на стуле, раскинув ноги в стороны, как жокей после соревнований по выездке, ответил, снисходительно ухмыляясь:

– Мимо наших в ворота только на бронетранспортере прорваться можно.

Зачесался язык спросить его, что же за пугала такие у них возле ворот сидят, но я прикусила его и залепетала нечто умильно-просительное. Подействовало. Тем более что первый наверняка уже считал меня своей знакомой.

Он снял трубку телефона и через минуту переговоров, детали которых остались для меня непонятными, ответил, приблизив к окошку свою в общем-то довольно симпатичную физиономию:

– Была машина. По разовому пропуску. На подстанцию какое-то оборудование привезли.

– «Жигули»? – воскликнула я радостно.

– Да, «девятка».

– Ребята, я на мгновение!

Пропорхнув между стеной и крылом застопоренного турникета, я засемила по натертым до блеска мраморным плитам к тяжелой, с массивной бронзовой ручкой, двери.

– Э, а пропуск! – крикнули сзади так, что не обернуться означало спровоцировать их на безобразную погоню.

– Да ну вернусь же сейчас!

Я тряхнула халат на груди, мол, даже одежда не подходит для побега, и услышала, как мой знакомый урезонил коллегу:

– Ладно, хватит! Она из секретариата, я ее знаю.

– Пришла Любовь Андреевна. Я ей все передала про Степанова, – отчиталась я перед ним, вцепившись в дверную ручку, и что есть сил дернула ее на себя.

Подстанция, вот она, сбоку от корпуса, за деревьями. Небольшое двухэтажное здание из силикатного кирпича с плоской крышей, почти соприкасающееся торцом с оградой. А вот и машина. Чуть поодаль, на узкой дорожке, разворачивается кормой к подстанции темно-красный экипаж и, самое главное, торопится от «девятки» к белокаменному дому с открытой нараспашку дверью мужчина в брезентовой спецовке, накинута поверх хорошего темно-коричневого пиджака.

Моля бога о том, чтобы эти люди были увлечены своими заботами настолько, чтобы не обращать внимания на невысокую фигурку в светло-зеленом халате и дурацкой шапочке, я прошла вдоль всего фасада по просторному крыльцу и сбежала по ступеням вниз. До двери подстанции, в которой скрылся мужчина, было рукой подать. Машина развернулась и теперь осторожно перебиралась через высокий бордюр на пешеходную дорожку, намереваясь сдать задом сюда же. И это когда в двух шагах, вот она, удобная дорога, по которой к подстанции без хлопот грузовик подъедет.

Обернувшись в последний раз на «девятку», я зафиксировала в памяти ее номер.

Войдя в дверь, я остановилась, осмотрелась и прислушалась. Короткий тамбур. За ним, прямо – пыльная лестница на второй этаж, и направо, мимо нее – еще одна дверь, в операционный зал. Виден ряд шкафов, выкрашенных в голубой цвет, с горящими на них зелеными лампочками – силовые ячейки. Огоньки горят не на всех. Суббота.

Оттуда, из операционного зала, доносилось шуршание и стуки, насторожившие меня. Следует приготовиться к неожиданностям, если это то, что я предполагаю. Вспомнилась четырехзарядная смертоносная машинка, которую не дал мне Базан. Если что случится со мною сейчас нехорошего, он пожалеет о своей осторожности.

Опустив драгоценную сумку на ступеньку лестницы, я медленно двинулась к двери в зал. Там металлически грохнуло и кто-то негромко выругался.

Мы с ним увидели друг друга одновременно, и у меня ненадолго перехватило дыхание. Он тоже замер в секундном замешательстве, разжал руки, и безжизненное тело в светло-зеленом халате, волочившееся прямыми, будто деревянными, ногами по линолеуму, упало, стукнувшись головой.

– А-а! – вскрикнула я на вдохе, прикрыв ладонью рот, и уперлась спиной в косяк, будто равновесие для меня сейчас – вещь почти немислимая.

Он вытаращился, вглядываясь в меня, и глаза его приобрели выражение, какое бывает у кота перед броском на зазевавшегося воробья.

– Томочка! – чирикнула я и повторила: – А-а!

– Иди сюда скорей! – опомнился он. – Видишь, с ней неладно что-то. Давай поможем.

– Нет, нет!

Вцепившись в косяк пальцами, я на подгибающихся ногах кое-как двинулась в сторону выхода и, конечно же, дала без труда ему себя настичь.

– Куда!

Он схватил меня за руку и швырнул по проходу в глубь зала, прямо на мертвое тело. Притворяться расслабленной было больше нельзя. Игра моя оказалась полезной. Убийца, ничего не опасаясь, в два шага очутился возле, но продемонстрировать намерения я ему не позволила – встретила ударом пятки в живот. Дыхание его прервалось, и двигаться он теперь мог только за счет силы воли. Она у него имелась. Убийца махнул пятерней. Я уклоняться не стала, только подставила руку, чтобы не заполнить отметину на лице, и «легла» рядом с Тamarой. Он уда-

рил меня ногой, метя в живот. Его башмак я встретила коленом и стиснула зубы от боли – бил он всерьез.

– Ах ты, мразь! – Убийца, дернув за плечо, перевернул на спину мое обмякшее тело и дал рассмотреть себя краешком глаза. Украдкой, с близкого расстояния, я хорошо разглядела и запомнила кривой шрам, уродовавший его левую бровь.

За стеной по-дурному взревел автомобильный сигнал. «Девятка» подобралась багажником вплотную к двери. Пора грузить тело. Да, но теперь их уже два!

– Урожай, мать твою! – пробурчал убийца, выпрямляясь и перешагивая через меня.

Я повернула голову. Да, это была Тамара Ромина. Ее лицо я видела на фотографии, которую вчера в машине показал мне Гром. Сейчас оно было изменившимся, но, несомненно, ее. Смерть не красит.

Звякнул металл, зазвучали, приближаясь, шаги, и я прикрыла глаза. Не собираюсь играть в боевик. Мне дороги мои ребра, поэтому выберу момент и попробую уложить его, как учили, одним ударом. А что делать с тем, что в машине, решу позже. Ах, Базан, мне бы сейчас тот, четырехзарядный!

Убийца поднял меня за плечи, попытался усадить. Не получилось. Не тело у меня сейчас, а макаронное изделие. Машина взревела снова. Этому звук сигнала не понравился тоже, он подхватил меня под мышки и вздернул рывком кверху.

Внутренне я напряглась: «Сейчас? Нет, позже. Чтобы – наверняка!»

Еще один сигнал. На сей раз короткий. Как они торопятся!

Таща меня по проходу, как мягкий куль, убийца матерился без перерыва, зло и виртуозно, будто стихи читал ненавистнические, и, наконец, остановился возле одного из отключенных пока силовых шкафов с приоткрытой дверью. Распахнув ее ударом ноги, он шагнул внутрь и грубо опустил меня на высоковольтные шины.

Машина сигналила без перерыва. Убийца, осатанев от этого звука, метнулся прочь, не захлопнув двери. Впрочем, этому помешала бы моя нога.

Не теряя времени, я «ожилась» и, охнув от боли в ушибленном колене, быстренько вернулась к телу Тамары. Нагнулась над ним, преодолевая боль – ребра болели тоже, но, вспомнив нечто более важное на данный момент, поспешила к выходу.

Моя сумка так и валялась там, где я ее оставила. Подхватив ее, я побежала наверх, совсем забыв о боли, подгоняемая вдохновением импровизации, обещающей, при везении, неожиданный и удачный следующий ход.

Со второго этажа в операционный зал можно было заглянуть в окно без стекол. Его я видела снизу, когда лежала рядом с телом Тамары.

Торопливость, почти паника от мысли, что не успею сделать задуманное, что этот изверг вернется и раньше времени поймет, что я ускользнула из его лап, придали мне сил, подкладка сумки затрещала под моими пальцами, когда я доставала видеокамеру. Пристроив «Сони» на подоконник и нажав на пуск, я вернулась в зал, радуясь и удивляясь долгому отсутствию моего врага.

Очень скоро тело Тамары заняло мое место на высоковольтных шинах, а я улеглась на ее место, сорвав с головы и забросив куда-то вбок шапочку, и постаралась принять похожую позу с неудобно вывернутыми руками. Достичь полного сходства не удалось – помешал этот, с рассеченной бровью. Он появился неожиданно. Не останавливаясь, почти бегом, застучал каблуками по линолеуму, перешагнул через меня и, с грохотом захлопнув на ходу дверцу ячейки, направился по боковому проходу к пульту управления и скрылся из виду. Не теряя ни секунды, я вскочила и выскользнула из зала. А когда была уже на полпути к окну с «Сони» на подоконнике, в зале затрещала и загудела высоковольтная дуга, сжигая тело Тамары Роминой.

Пришла моя очередь энергично выругаться, потому что представилось, с каким недоумением переглянулись сейчас охранники, если только в их караулке есть индикация электроснаб-

жения помещений. Кто знает, куда подается энергия через шины, ставшие вдруг погребальным костром.

Трещать продолжало, и было отчетливо видно, как над полом в щитовой ползут клубы темного дыма. Я с удивлением успела подумать о том, что давно должна бы сработать защита и отключить ячейку, как вновь взвыла сигналом машина, внизу грохнуло, и наступила оглушительная, если можно так выразиться, тишина. В проходе появился убийца, весь какой-то смятый, сникший. Уставший. Не переменялся он в лице даже от отсутствия тела на полу, только громко охнул, не разжимая губ. Присел, дотронулся рукой до пола и в растерянности закрутил головой. Я спряталась за стенку от его взгляда и только теперь обнаружила, что поджилки у меня трясутся.

«Багира!» – простонала я про себя, прижавшись лопатками и затылком к стене. И помогло – как отхлынуло.

Не желая больше сигналить, видно, потеряв всякое терпение, тот, что оставался в машине, запустил двигатель. Мне было слышно, как убийца не спеша, размеренными, как звуки метронома, шагами прошел к выходу. Хлопнула дверца, и машина тронулась с места.

Спустившись вниз, я задохнулась от запаха горелой плоти. Запротестовал, судорожно сжавшись, желудок. Тошнота комом подступила к горлу. Выскочив на воздух, я юркнула за угол и перевела дух. И так мне хорошо вздохнулось! Темно-красная «девятка» урчала где-то неподалеку, но была уже невидима за углом корпуса.

– Спешите, сволочи? – проговорила я и рассмеялась. – А что произошло и что теперь будет, поняли?

Едва ли они поняли, особенно то, что будет. Я тоже не понимала этого до конца. Пусть думает Суров. Начальству виднее.

Свежий ветер ерошил волосы. Я придержала их и только теперь заметила, что меня колотит мелкая неприятная дрожь. От холода, наверное. Натянуть бы комбинезончик!

Укромный дворик я пересекла как дама, лениво прогуливающаяся по пляжу, залитому жаркими солнечными лучами, под не менее жаркими взглядами прокалившихся на горячем песке бездельников. Три этажа высоких окон, окружающих меня с трех сторон, и за каждым могут быть глаза, наблюдающие, как дама закрывает за собой дверцу входа в вентиляционную шахту. Воображение разыгралось настолько, что зачесалась спина, будто на нее уставились сквозь прорезь прицела.

Охрана не выключила аварийное освещение подвала, только закрыла решетку на входе, и это сэкономило мое время. Где-то здесь, на стене, я видела телефон. Зрительно помнила – стандартный серый аппарат с черными цифровыми кнопками. Где он?

Информационный центр имел свою АТС. Маломощную, но достаточную для удовлетворения собственных потребностей в междугородных телефонных переговорах. А заодно великолепно регистрирующую звонки по городу. Это было мне важно. Важно было, чтобы Степанов узнал о только что состоявшемся аутодафе с подведомственного аппарата.

Телефон нашелся рядом с осветительным щитом, в небольшой нише, как специально замаскированный. Вспомнила – когда разбиралась со схемой освещения коридора, подсвечивала себе фонариком, я и увидела его. Позже, включив свет, и не взглянула больше. А оказался он в глубокой тени. Поэтому и пришлось искать его по закоулкам. Неквалифицированно. Да не робот же я, в самом деле, запрограммированный на разведывательно-диверсионную деятельность. Человек, только что перенесший психическую встряску. Шок, можно сказать.

Успокаиваясь таким образом, я пристроила голосовой модулятор к микрофону, набрала номер, выболтанный мне охранником, и, пока шли гудки, поговорила сама с собой, забавляясь слышимым в трубке мужским голосом, с некоторым запозданием повторяющим диктуемые мною слова.

– Павел Иванович? – спросила беззаботно, почти радостно, после того как он мне ответил, и с удовольствием выслушала произнесенное то же самое мужчиной, но с точь-в-точь моей интонацией.

– Кто это? Представьтесь, пожалуйста, – попросил, даже потребовал Степанов.

– Павел Иванович, только что в электроподстанции вычислительного центра током высокого напряжения было сожжено тело Тамары Викторовны Роминой.

– Кто это? – повторил он, и я поняла, что, пока не отвечу, большего от него не дожидаться. Продолжать разговор не имело смысла и задерживаться здесь – тоже.

«Вот пока и все, – вздохнула я с облегчением, пролезая на улицу через ту же самую дыру в ограде. – Теперь поспать бы часа полтора».

Оказавшись на тротуаре, я поспешила прочь и, чтобы окончательно успокоиться, тешила себя несбыточными мечтами об отдыхе – в деталях представляла, что бы сделала, очутившись дома. Отвлечься удалось, но ненадолго. Незаметно для себя я скоро вернулась мыслями к реальности, и в голове сами собой закрутились варианты возможных последствий моих действий и захватили меня своей многоплановостью. А уже в трамвае, в который я села, чтобы проехать несколько остановок и выйти у двора, где дожидалась меня «Нива», на ум пришла общая оценка всего приключившегося только что.

«Как мрачно, боже!» – воскликнула я про себя и не смогла удержаться от короткого, нервного смешка.

Парень в вязаной шапочке и новой дерматиновой куртке, стоявшей колом, покосился на меня и расплылся в улыбке. Я отвернулась.

Глава 2

Темно-красная «девятка» остановилась перед натянутым поперек открытых ворот тросом. Раздался резкий, режущий ухо сигнал, заставивший охранников в караулке поднять головы, оторваться от шахматной партии.

– Кто? – возмутился один, в тельняшке под полурасстегнутой камуфлированной курткой, привставая с места, чтобы глянуть в большое окно, выходящее на территорию. – И в субботу покоя нет! Вовка, глянь, я не вижу толком, вплотную стоят.

Вовка, в такой же куртке, но напяленной внатяг на толстый, домашней вязки свитер, зевнул, потянулся, раскинув руки, и нехотя поднялся тоже, шагнул к двери.

– Это те, Стас, о которых мы с тобой говорили. Ну, у которых пропуск в журнал не вписан, – сообщил добродушно, выставив ногу в открытую дверь. – Скандальить будешь?

– Надо бы, – Стас почесал в затылке, с сожалением поглядывая на шахматы. – Давай, начинай ты, а я поддержу, если лаяться станут. Только сюда их тащить не вздумай.

– Была охота! – проворчал Вовка и пошел ругаться.

– А-а, черт! – Скопцов убрал руки с руля и опустил окно, высунулся навстречу приближающемуся охраннику. – Чего, командир?

Ивлев, жалея о том, что не сел на заднее сиденье, отвернулся, пряча от Вовки лицо, и встретился взглядом со Стасом, тарачившимся на него из окна караулки.

– Ничего! – отрезал Вовка, слегка задетый фамильярностью Скопцова. – Вам кто пропуск выписывал? – и, выслушав ответ, возмутился: – А почему пропуск в нашем журнале не зарегистрировали? Почему порядок нарушаете?

Скопцов оправдывался, с ходу выдумывая причины, а Ивлев, верно оценив ленивую тоску в глазах Стаса, скривился в жалостной гримасе, постучал пальцем по часам и умоляюще развел руками.

Вовке никак не удавалось войти в служебный раж, не слыша грубостей или раздраженного тона, но он уперся, требуя от нарушителей вразумительного ответа, и теперь уже сам не знал, каким образом пойти на попятный. Выручил Стас, которому надоело трехминутное одиночество. Махнув рукой, он шагнул от окна в сторону, и сразу после этого трос упал, открыв машине дорогу. «Девятка» сунулась в ворота, заставив попятиться черную «Волгу», оказавшуюся в этот момент на въезде.

Все время, потребовавшееся для того, чтобы добраться сюда от дома, Степанов старался править машиной с крайней осторожностью, несмотря на относительную, субботнюю свободу улиц от транспортной толчеи. Павел Иванович за последние два дня – с тех пор, как начался этот кошмар – до того перенервничал, что прошлой ночью не смог заснуть без снотворного. И сейчас, после того дикого телефонного звонка, несмотря на принятое перед выходом из дома успокоительное, пальцы, стоило ослабить их хватку на руле, начинали плясать, как у спившегося подонка. Так что осторожная езда была совсем не лишней. Это оправдалось на въезде в ворота информационного центра, когда навстречу выскочили «Жигули», от которых пришлось уворачиваться.

Пропустив «девятку», Павел Иванович не спешил отпустить педаль сцепления, пытаясь унять внутреннюю дрожь, усилившуюся от этого пустякового происшествия. Глянув на себя в зеркало, на сжатые, побелевшие губы, на мешки под глазами, принявшие сегодня синюшный оттенок и оттого заметные более, чем когда-либо ранее, он впервые всерьез подумал о смерти как о близком и вполне реальном событии. А что? Долго ли? Инфаркт какой-нибудь, и – привет! Вскольхнувшаяся от таких мыслей злость на сволочей, посмеявших не просто шантажировать его и брата, но и уже частично привести в исполнение свои угрозы, вернула ему мужество. Проезжая мимо дежурки охранников, Степанов притормозил и распорядился, при-

спустив стекло, с трудом удерживаясь, чтобы не плюнуть под ноги клоуна в форменке, натянутой на свитер:

– Список всех машин, въезжавших на территорию сегодняшним утром – ко мне. И как можно быстрее.

– Понял! – заверил охранник, подобострастно склоняясь, и крикнул уже вслед удаляющейся машине: – Сделаем!

Войдя в проходную, Павел Иванович по давно заведенному обычаю выслушал рапорт от вышедшего навстречу охранного старшины, беспокойно поведившего плечами под тяжелым взглядом начальства, и приказал, цедя сквозь зубы слова:

– Срочно составьте список всех мужчин, включая ваших сотрудников, находившихся на территории центра в девять часов, и ко мне на стол. Да, и про машины не забудьте, перепишите тоже.

Уже поднимаясь по лестнице, Степанов обернулся к остолбеневшему от такого распоряжения охраннику и добавил:

– Найдите связиста и доставьте его сюда, – он нашел в себе силы улыбнуться, чтобы смягчить впечатление от своей строгости. – Доставьте как по аварийному расписанию. Срочно!

– Сделаем! – воскликнул охранник, приободренный улыбкой начальства.

«Одна у всех песня – сделаем! – подумал Павел Иванович с прежним раздражением, открывая дверь в свою приемную. – Дебилы, господи!» – и, осознавая свою неправоту и оттого чувствуя себя слегка виноватым, к поднявшейся навстречу секретарше обратился вполне любезно:

– Доброе, доброе утро, Любовь Андреевна. Любонька, организуйте мне связь с Москвой. Да, с Василием. Ну, не беда, что суббота, он на месте должен быть. В крайнем случае домой к нему позвоните. Заранее благодарен.

Закрыв за собою дверь, Павел Иванович облегченно вздохнул – непросто сегодня общаться с людьми. Видеть никого не хочется.

«Наконец-то один!»

Не раздеваясь, он подошел к столу, с грохотом отодвинул кресло на колесиках и плюхнулся в него, откинулся на высокую, удобную спинку. Щелкнуть кнопкой – впорхнет Любовь Андреевна – подавать кофе, раздвигать шторы, докладывать о текучке. Пожалуй, не стоит вести себя необычно, сидеть так вот, одетым, в тихой полутьме. А может, услышанное по телефону – всего лишь идиотская шутка этих отморозков, уголовников? Возможно. Но, как наказывал Василий, ни шагу без его совета. Значит, надо ждать разговора с ним. А после Павел Иванович сам пойдет на подстанцию – для того, чтобы убедиться в том, что услышал по телефону.

– Сволочи! Ах вы, гады ползучие! – пробормотал Степанов, протягивая руку к кнопке вызова секретарши.

* * *

Вырвавшись из ворот степановского центра, темно-красная «девятка» круто вывернула на дорогу и помчалась по ней, не соблюдая правил, обгоняя попутный транспорт. Красный свет на перекрестке ее остановил. А когда он сменился зеленым, машина двинулась с места спокойно и плавно, уже ничем не выделяясь из прочих, ей подобных. Но для того, чтобы это состоялось, Андрею Семеновичу Скопцову, сидящему за рулем «девятки», пришлось взять себя в руки. О владевшем им возбуждении можно было теперь судить только по излишней порывистости движений, когда он переключал передачи, кривящимся в злой гримасе губам и приподнятой более обычного голове, отчего создавалось впечатление, что смотрит он вперед, сквозь лобовое стекло, с глубоким презрением ко всему окружающему.

Ивлеву, сидящему рядом с ним, не нравилась такая манера соратника держать себя, а в сочетании с его упорным молчанием, нежеланием отвечать даже на обвинения в идиотской торопливости, там, возле подстанции, злила Сергея, распалая до зуда в костяшках кулаков. Поведение Скопцова, на взгляд Сергея, сейчас сильно отдавало каким-то высокомерием. Будто он, Бонза, был один виноват в постигшей их неудаче. Бред! Вешать на себя собак Сергей не позволял никому и никогда. Обо всем этом, не долго думая, он и поведал коллеге, изложил в выражениях кратких и энергичных, какие и требовались в подобных обстоятельствах. И отвернулся к окну, демонстрируя отсутствующее хладнокровие. Андрей молчал недолго.

– Нет, Сергей, не буду я отвечать тебе грубостью, хоть и мог бы. Хоть и считаю, да ты и сам это понимаешь, что заслужил ты гораздо большего, чем просто «лох». Но – нет, не спровоцировать тебе меня, и не старайся.

Скопцов повернул руль, надавил на педаль, и «девятка» остановилась у бордюра неподалеку от троллейбусной остановки. Ивлев, оторвавшись от созерцания разномастной толпы, перевел на товарища недобрый взгляд.

– Андрей Семенович, – произнес он с издевкой, – интеллигент ты вшивый! Что делать будем?

Он успел сменить брезентовую спецовку на плащ из черной турецкой кожи и выглядел сейчас пародией на презентабельного американца довоенной поры. Полуседой ежик жестких волос и короткий толстый мундштук с сигаретой усиливали сходство.

Скопцов молчал, покусывая губу. Взбодороженному Ивлеву его молчание опять показалось высокомерным, и он взорвался во второй раз.

– Ты... Ах ты, ишак холощенный! Какого же ты хрена, недоумок, коней гнал? А сейчас ты спокоен, да? Лучше бы там, у подстанции, дергался поменьше, не отрывал от дела меня, глядишь, все по-другому бы обернулось!

– Дурак ты, Бонза, – не удержался-таки Скопцов от грубости, но произнес ее спокойным тоном, по-будничному. – Ты видел, как мы выезжали? Скажи спасибо, что эти щенки на воротах лентями оказались, а то затеяли бы возню с досмотром машины... Хороши б мы были даже без трупа в багажнике. Как знать, когда энергетики раскачают причину внепланового включения силового шкафа проверить? А ну если к тому моменту мы бы все еще перед охраной шаркались? Ведь мы оборудование в эту самую подстанцию привозили, так? Нами и заинтересовались бы прежде всего. Тьфу! – сплюнул в сердцах Скопцов в открытое окно.

– Понимаю я все! – почти проорал Сергей.

– А раз понимаешь, то какого ж... упрекаешь меня в торопливости? С нашим-то пропуском дергать надо было оттуда как можно быстрее. Меньше шансов на неприятности нарваться. И не говори, что уже нарвались, не сотрясай воздух, без тебя знаю. А только так я тогда думал, когда сигналил тебе. И прав был, скажешь – нет? А сдурил ты, Бонза. Э-эх, с бабой не смог сладить! Ее не в шкаф, а в машину тащить надо было. Тоже мне, урка. Да не сопи ты, не надо никого пугать. Сам знаешь, что в этом деле без меня ты – ноль без палочки.

Скопцов кончиком пальца поправил на носу очки в толстой темной оправе, коротко, яростно блеснул стеклами в сторону подельщика, грызшего свой толстый мундштук уже молча.

– Ну да ничего, ладно. Сидеть вот так и виноватить друг друга – пустое дело. Вывернемся, даст бог. Хотя нарисовались здорово. Как только вскрыется все, охрана живо припомнит и машину, и наши с тобой портреты. Может, уже... Я вот что думаю. Что же это за баба подвернулась тебе под горячую руку? Уж больно резва. Прямо не в меру.

– Подожди, Андрей, – прервал его Бонза, обрадовавшись тому, что обсуждение происшедшего отошло от оценки его действий. – А кого же я тогда сжег?

– Томку Ромину, конечно! – Скопцов нервно, визгливо рассмеялся. – Уж не думаешь ли ты, что труп от нас сбежал на окоченевших ноженьках? Бабенка твоя, пока ты меня матюгал

за торопливость, очухалась, засунула в шкаф, куда ты ее запихнуть додумался, труп Роминой, а сама на ее место легла. Это чтобы ты не понял и сразу метаться не стал, а дал ей время уйти.

– А ведь лежала, как в глухом вырубке, – покачал головой Ивлев. – Меня не было какие-то минуты. Что ж она, как на пружинах действовала, тяжести таская?

– Значит, не в таком уж вырубке, – подытожил Скопцов. – Притворялась она.

– То-то саданула она меня ногой, как копытом. Не как мужик, конечно, но и не как баба. Да и какой бабе при таких обстоятельствах в голову придет труп ворочать? И хладнокровно на его место ложиться?

– Этого я тоже не понимаю. Пока не понимаю. Но лопухнулся ты позорно, – то ли посмеялся, то ли посочувствовал Андрей Бонзе и, видя, что у того опять вздувается на лбу жила, поспешил смягчить впечатление от сказанного. – Ладно, хватит. Хватит, Сергей! Давай думать, что дальше делать.

Сергей выбросил сигарету в открытое окно, попал ею в деваху в темном комбинезоне с ярко раскрашенным лицом, проходившую мимо, и, зарядив мундштук новой, полез за зажигалкой.

– Перед Джулаевым мы в долгу. И еще в большем долгу перед его людьми. Наобещали, взялись, теперь назад не повернешь. На нас надеются. Выход один – надо щемить Степанова. Не так всерьез, как обошлись с Томкой, но все же настолько, чтобы его московский братец за голову взялся. Говорили же, что любит он его, родного, ха! – Ивлев скривился и ударил себя по колену, будто гвоздь вбил.

– Верно, – Скопцов кивнул с видом учителя, добившегося наконец верного ответа от туповатого ученика. – Но прежде всего избавимся от машины. Охранники хорошо ее приметили. Я уже знаю, куда ее спрятать.

Андрей двинул рычаг скоростей, проверяя нейтраль перед запуском двигателя, но Ивлев остановил его, взял за руку.

– Андрей, я теперь всю тыкву изломаю, прикидывая, что ж это за баба мне попалась? – вернулся он к прежнему.

– Не простой это человек, – сказал Скопцов уверенно и тихо. Он замялся в поисках подходящего слова и прищелкнул пальцами от усилий. – Ее спецподготовка за километр чувствуется. Разве нет?

Сергей повернулся к нему всем телом, локоть положил на спинку сиденья и не заметил, как задел сигаретой за подголовник, и она, вылетев из мундштука, упала на пол.

– Ты хочешь сказать, что за нас уже взялись?

– А ты не помнишь, кого мы щемим? Не понимаешь, на кого замахнулись? Забыл, какой пост занимает в Москве Василий Степанов?

Ивлев, задумавшись, сжал зубами пустой мундштук и с шипом потянул через него воздух.

* * *

Добравшись до машины, я успокоилась уже настолько, что смогла трезво оценить первые результаты. Неплохими они мне показались. Тело Роминой найдено мной и потеряно негодьями. Будет потеряно. С того момента, когда Гром узнает, где оно сейчас. И очень хочется надеяться, что Андрей сочтет мою задачу выполненной и, по заслугам, выведет меня из дела, когда узнает еще и номер машины, на которой раскатывают убийцы.

Феноменально не везет сегодня этим людям. Когда начинается полоса невезения такого масштаба, лучше всего прекратить шевелиться, все равно ничего хорошего не получится, успокоиться и терпеливо переждать черные времена. Теория. А практика – вот, перед глазами. Они, эти двое, в той самой «девятке», не могут представить и не представляют, насколько им

сегодня не везет. Во второй раз – и теперь уже чисто случайно – я наткнулась на них. Как в тире, попала в десятку за тридцать шагов с завязанными глазами.

Позвонив по телефону-автомату Базанову и спросив у него адрес, куда могу сдать собранный урожай, и пообещав включить в машине маячок-пищалку, чтобы покупатель смог найти меня в городской толчее, если по этому адресу мне не удастся подъехать вовремя, я с чувством качественно сделанного дела села в «Ниву» и покинула тихий дворик, в котором она простояла все утро. Напряжение схлынуло, и можно было заняться обдумыванием меню сегодняшнего ужина. До обеда мне едва ли удастся освободиться, а вот к ужину... Если повезет. Но вероятнее всего – повезет, потому что не везет сегодня им. Надо думать, что Суоров постарается, чтобы их невезение не ограничилось только сегодняшним днем.

Я вывела машину на улицу и – вот оно, везение, в действии – буквально через несколько десятков метров, даже не доехав до ближайшего перекрестка, неподалеку от троллейбусной остановки заметила темно-красную «девятку» со знакомыми номерами. Приятно удивленная, я поспешила остановить машину в первом подходящем для этого месте, наскоро подкрасила губы, помадой навела на щеки яркий румянец и вышла, по наитию захватив с собой пищалку, которую обещала Базану включить, чтобы по ее сигналу Грому легче было найти на улицах «Ниву».

Двое в «девятке» были настолько увлечены разговором, что к их машине можно было пристроить не только миниатюрный приборчик, а и милицейскую мигалку на крышу приклепнуть, не опасаясь, что заметят. Справившись походя с делом, я двинулась мимо них и мелочно поплатилась – тот, с которым я боролась в щитовой, мельком глянув, бросил окурок, глянул волчьими глазами и, не узнав меня в девахе с безвкусно размалеванным лицом, поднял стекло.

Отъезжать, судя по всему, они не торопились, и я, отыскав поблизости телефонную будку, еще раз набрала номер Базана. Не дав ему сказать и слова, сообщила:

– Артюшенька, пищалку я включила. Только стоит она не на «Ниве», а на темно-красных «Жигулях» девятой модели, в которых сидят убийцы Тамары Роминой. Номера их машины ты уже знаешь.

Базан остолбенело молчал некоторое время и, наконец, выдал:

– Понял. Я передам Грому, пусть пеленгует. А ты...

– Попытаюсь их отследить, – перебила я его. – Не вредно будет знать, где их искать при необходимости.

– Отличная работа, Юль, но у тебя же... – начал он, но я, не дослушав, повесила трубку. Не до похвал, когда бандюги скрыться могут в любой момент. А что пеленгатора у меня нет, и, значит, сигнал пищалки для меня не существует, я и без него знаю.

Не торопясь я вернулась к машине, думая о том, насколько важными для Грома являются личности убийц Тамары Роминой. По всему выходило – устанавливать их надо во что бы то ни стало. Но обидно будет, если они уже известны. В этом вопросе чувствовался дефицит имеющейся у меня информации. По своему обыкновению, Андрей при постановке задачи не выдал мне всех сведений по делу. Не положено знать агенту того, что не касается его в данный момент. Таково правило. Не следует забивать исполнителю голову. Только теперь, видя через стекло, как эти двое размахивают руками, я твердо решила потребовать от Суорова объяснений сполна. Всех и всего. Пусть извинением мне послужит тошнота от запаха горелой плоти и противный дымок, стелившийся по низу помещения электрощитовой. Не будь я Багирой, дымок тот вполне мог исходить от моего превращающегося в угли тела. Встреча же с Громом, судя по требованию включить маячок в машине, переданному через Артемия, должна состояться в самое ближайшее время.

Гром – Андрей Леонидович Суоров. И Артемий Базанов. Один пытался сделать из меня разведчицу, другой – диверсантку. И никто из них, судя по моим успехам, не мог помянуть поговорку о погоне за двумя зайцами. В Югославии, где группа Суорова, наша группа, работала

по сбору оперативной информации, я под руководством этих двух прошла неплохую стажировку и научилась многому. Артемию тогда понесчастливилось подорваться, запустив двигатель заминированной машины. Базанов остался в живых, но потерял ногу. Гром вскоре создал в Тарасове с благословения высокого начальства свою группу, не зарегистрированную ни в каких архивах, для проведения тихих и эффективных операций особо деликатного характера. Надо ли говорить, что мы с Базаном принадлежим к этой группе? Платит Суров хорошо, но – по конечному результату. Именно поэтому я всегда предпочитаю немного перестараться. И именно поэтому вопрос: стоит ли тратить время на слежку за убийцами Тамары Роминой, не занимал меня нисколько. Да и не дали они мне долго раздумывать, отъехали степенно, будто приглашая на прогулку по тарасовским улицам.

Держаться за ними было нетрудно. Двигались они уверенно, явно зная, куда едут, и имея перед собою вполне конкретную цель. Вскоре она стала ясна и мне.

Еще в трамвае, находясь под свежими впечатлениями от происшедшего, я подумала, что, оставив за собой такой след, они постараются в первую очередь избавиться от машины. Именно она, а не их лица и уж тем более имена, лучше всего прочего должна была запомниться людям из охраны степановского центра.

Можете мне не верить, но я даже охотничий азарт испытала, петляя в машине за ними по улицам города!

Не доезжая до набережной, «девятка» свернула к спорткомплексу «Молодость» и остановилась. Тот из них, что был пассажиром, вышел, хлопнул безжалостно дверцей и пошел в мою сторону, засунув руки в карманы длинного кожаного плаща. Я, отвернувшись, чтобы не узнал, проехала мимо и остановилась только в конце недлинной, хорошо просматриваемой улицы.

«Девятка», теперь уже с одним седоком, едва тронув с места, свернула в открытые ворота спорткомплекса. Но где один, там и второй, поэтому будет с меня и одного, и вскоре я стояла в этих воротах и осматривала двор гаража. Так вот где они собрались спрятать машину, чтобы не мелькать номерами на городских улицах. Здесь их, должно быть, ждали – во дворе «девятки» не было.

Она оказалась в боксе, куда я вошла через красную металлическую дверь, ничуть не опасаясь неизбежной встречи с хозяином машины. Его я, можно сказать, в глаза не видела, и была уверена, что и он меня – тоже. Ждать же его снаружи глупо. Тут наверняка не один вход-выход. В голове крутилась первая, глуповатая, но пригодная для знакомства фраза, кое-как объясняющая мое здесь появление. Я даже приготовилась к нелюбезной встрече, но того, с чем столкнулась на деле, предположить не могла. В боксе оказалось пусто! То есть машина стояла и водительская дверца была приоткрыта, словно покидали ее в спешке. А вдоль стены, облицованной подобранными по форме обломками белого кафеля, громоздились картонные ящики вперемешку с ворохами оберточной бумаги и обрывками веревок. Этот завал источал густой запах мясных копченостей, и я подумала, что, оставляя здесь машину на долгое время, да еще с незакрытой дверцей, хозяин рискует заполучить новый стойкий аромат в ее салоне.

– Люди! – крикнула я от двери и, как полагается в таких случаях, постояла, дожидаясь ответа. В стене, напротив картонно-веревочной груды, оказался еще один выход из помещения.

Ответа не последовало, тишина была полной, и я решила не терять понапрасну времени.

«Скопцов Андрей Семенович», – с фотографии на водительском удостоверении, опрометчиво забытом в «бардачке», на меня смотрел умными глазами из-за очков в темной оправе мужчина с резкими, будто проведенными резцом, морщинами на худощавом лице. Подбородок с ямкой, зачесанные назад волосы и аккуратный, чуть вздернутый нос. Теперь я узнаю этого Скопцова, где бы ни повстречала.

Будем знакомы, Андрей Семенович.

Не услышав, а скорее почувствовав постороннее движение, я бросила права на место и выскользнула из машины. Похоже на то, что знакомство с Андреем Семеновичем все-таки состоится.

– Я так и думал, что это опять ты.

Знакомый голос. Знакомый облик. Длинный кожаный плащ и руки в карманах. Вот взять и спросить его, а где, мол, господин Скопцов? Похоже, эти ребята устроили на меня простенькую облаву, и я в нее попала, как дилетантка. Но здесь нет тела Тамары Роминой, которое мне надо у них отобрать, и поэтому на сей раз бить я буду всерьез, безжалостно – так, как следует бить, защищая свою жизнь и имея в виду, что второй в любой момент может прийти на помощь первому. Если способен.

– Ты преследуешь нас.

По интонации – не утверждение и не вопрос, среднее.

– Кто ты, резвушка? На ментиссу не похожа. Частный детектив?

Когда хотят просто убить, не задают лишних вопросов.

– Телохранительница Степанова, – соврала я первое, что пришло в голову.

– Ни хрена! – удивился он. – Боевиков насмотрелась, пигалица. «Телок» должен охранять тело, а ты по улицам шляешься. Зачем? Здесь, – он широко повел руками, – Степанова нет.

– Его и в подстанции не было, – вырвалось у меня ненароком.

Он шагнул ко мне, и я отступила, сохраняя дистанцию. Судя по улыбке, ему понравился мой маневр, убедил в моей слабости. Ох уж это мужское высокомерие!

– Скажи все-таки, телохранительница, ты преследуешь нас по поручению Степанова, да? Я смотрела в его колючие глаза и молчала.

– Ну, больше не будешь.

Он широко шагнул и вскинул руку, намереваясь схватить меня. Я увернулась и полусогнутой напряженной ладонью двинула его в ухо по всей науке. Он затряс головой, подарил мне возможность восстановить дистанцию и костяшками кулака крепко достать его челюсть. Удар толкнул его на машину, а я развернулась и, расставив ноги, утвердилась, как положено, чтобы боковой, ребром ладони в шею, получился жестким. Но ударила мимо, просто махнула рукой, ни за что не задев. Потому что в этот момент, за мгновение до победного торжества, сзади на мою голову накинули что-то вроде мешка, ударили по темени и подсекли ноги. Прделано все было непрофессионально, но проворно, неожиданно и потому успешно. Не успела я оправиться от легкого потрясения, грохнувшись на цементный пол, как сверху навалились и заломили обе руки за спину так, что я вскрикнула от резкой боли в плечах. Справились! Прекратив бесцельное сейчас сопротивление, чтобы избежать чего-то, вроде проламывающего затылок удара, а момент для него был подходящий, и голова тряпьем обмотана кстати, я, задыхаясь от боли, выкрикнула:

– Скопцов!

Все оказалось верным. Возня за моей спиной прекратилась, и я слышала насмешливо-добродушное:

– Аюшки?

– Полегче, Андрей Семенович, больно!

Мое положение не улучшилось, но раздался короткий смешок, почти одновременно с возгласом битого:

– Вязать ее, мартышку!

– Давай, – согласился Андрей Семенович, и от сердца отлегло – значит, проламывать мою голову они пока не собирались.

Загрохотали раскидываемые в спешке картонные коробки, зашуршала бумага, и запястья заломленных рук стянула тонкая, но прочная веревка. Они сорвали мешок с моей головы, и

веревка впилась в шею. Сразу стало трудно дышать. А стоило шевельнуть руками, как делалось еще хуже. Больно!

– Потерпи! – попросил Скопцов, переворачивая меня на бок.

В стеклах его очков я увидела отражение своего перекошенного лица со вздувшейся на лбу жилкой.

– Кончать ее надо, – предложил он, той же веревкой обматывая мои лодыжки.

– Несомненно, – согласился его напарник. – Как? И куда потом денем?

– А вот! Там, внизу, канал ливневой канализации. Помнишь, в прошлый раз слесаря возились? И сегодня – суббота.

– Ну и что? – не понял его убийца Роминой.

– По субботам бассейн чистят, спускают воду. В ливневку ее! А как бассейн сольют, потоком унесет ее в Волгу с концами.

– И концы в воду! – нервно хихикнул убийца, и я поклялась, что, если удастся выпутаться, смех этот ему ни за что не забуду.

Они совещались, стоя надо мной и не обращая больше на меня, беспомощную, как спеленатый младенец, никакого внимания.

– Стукни ее, Сергей, а я в люк опущу, – предложил Андрей Семенович.

– Я что, профессионал, что ли? – возмутился тот. – Думаешь, так это просто – человека мочкануть? Вот если бы в драке... – он призадумался, покусывая губу. – Или как Томку, когда очень надо и иного выхода нет. А с этой, – он глянул на меня как на неодушевленный предмет, – нет нужды. Давай, в люк ее. Я помогу. Развязать ее там некому. Смочет, как дерьмо в унитазе.

– Лучше бы все-таки... – сомневался Скопцов. – С гарантией, знаешь ли.

– Суббота! – рявкнул, зверея, Сергей. – Про бассейн ты сам говорил! Нет? Хорошо, давай молоток, – решил он. – Только грязь с пола ты смывать будешь!

У меня закружилась голова и сами собою зажмурились глаза.

– Ладно, открывай люк, – сдался Андрей Семенович.

Вот так. Приговорили они меня.

Сергей, чистюля, снял плащ, пиджак, бросил их в машину и, оставшись в надетой на рубашку шерстяной безрукавке, отошел в сторону, загремел там чем-то тяжелым, железным.

– Слушай! – осенило Скопцова. – У нас целые полиэтиленовые мешочки есть? Надеть пару ей на голову, завязать на шее веревкой – сама задохнется. Все будет ей лучше, чем тонуть...

– Нету у нас мешочков, – угрюмо отозвался Сергей. – Напяливай этот, которым свалил ее. И иди сюда, помоги, в самом деле.

– От этого толку мало, – Скопцов в сомнении поднял мешок, расправил его, осмотрел. – Целый. Ну, хоть крики глушить будет.

Я с трудом удержалась от стога, когда он надевал на мои голову и плечи этот мерзкий саван, до того стало больно от врезавшейся в кожу веревки.

Больно, больно, больно! Больно было, когда палачи меня тащили, больно было, когда опускали в люк, когда бросили на жесткий, холодный пол. Где-то наверху заскрежетала и с глухим стуком упала на место тяжелая крышка люка. Все стихло.

С десятков минут я провела в неподвижности, расслабляя нервы и прислушиваясь. Ни голосов, ни шагов, ни единого звука не доносилось сюда с поверхности. Надо думать, что и отсюда туда – тоже. Впрочем, кричать – последнее дело. В таком, как у меня, отчаянном положении крик – это верный путь к истерике. А она парализует волю и сжигает силы. О том, что безвыходных положений не бывает, любят говорить люди, которые в них никогда не попадали. Что, если попробовать пошевелиться? Выяснить пределы подвижности? Веревка на шее – от рук. Ноги же просто связаны в лодыжках и коленях.

Я попыталась согнуть ноги, оставляя при этом неподвижными руки. Получилось даже подтянуть колени к груди. Пользы от этого мало, вот разве лежать стало удобнее. Не помню, говорили ли бандиты, когда именно начнут спускать воду из бассейна? Воду!

Захотелось не просто кричать, а взвыть. Дать себе волю и забиться в истерике. Окунуться в этот кошмар, может, легче будет. А если найти в себе силы сесть, согнуться вперед, то обязательно задушусь натянувшейся веревкой. Веревкой от колбасы. Тьфу!

Где-то далеко-далеко, а, может, мешок на голове приглушает звуки, что-то утробно вздохнуло и зажурчало, слава богу, пока коротко. Интересно, каковы размеры моего каземата? Какая масса воды проходит через его сечение в единицу времени? Какова будет ее скорость? Умру я легко. Подхватит потоком, донесет до поворота, а там ударит о стенку. А не так уж и тихо здесь, оказывается. И не одиноко.

Я только сейчас, когда ощутила осторожное прикосновение к коже чуть выше запястья, поняла, что за звуки слышу вот уже около минуты. То ли поскрипывание, то ли попискивание. И шуршание.

Крысы!

Стыдно мне не было ни в тот момент, ни после, когда он вспоминался против воли. Было мерзостно.

Я завизжала. Лежа на боку, головой в мешке, почти в помойке, завизжала, не выдержала, почувствовав присутствие рядом этой пакости. И дернулась произвольно всем телом. Впившаяся в горло веревка задушила крик, и полыхнувшая с новой силой боль прекратила истерику.

Потом вместе с восстановившимся дыханием пришло необыкновенно острое ощущение своего бессилия. Кусать губы – вот все что я вольна была сейчас делать.

Через некоторое время я поняла, что крыс прибыло против прежнего. Они заметно смелели и вскоре бегали уже по всему моему беспомощному телу. А когда взбирались на голову, то топот лап по мешковине становился почти оглушающим. Но наибольшая их активность чувствовалась у запястий и вдоль спины. Судя по злобному писку, между ними вспыхивали короткие, отчаянные потасовки за место возле веревок. И они теребили их всем скопом из всех сил. Крысы грызли веревки. Но я поняла, что они спасают меня. Я, несмотря на мурашки, бегающие по спине, уже была им почти рада и готова терпеть укусы их грязных зубов сколько угодно. Надежную казнь выдумали мои убийцы, но того, что здесь обитают вечно голодные крысы, бандиты не знали. А если знали, то не придавали этому значения. Веревки же, которыми я была связана, пропахли копченым мясом и пропитались жиром.

Вскоре я почувствовала, что веревки рвутся. Одна, другая... Совсем легко стало дышать. Я со стоном разогнула руки, онемевшими, затекшими пальцами растерла запястья. Сесть удалось не сразу, а заняться связанными ногами – много позже, только когда начала проходить боль в руках. Но первое, что я сделала, почувствовав, что мало-мальски владею пальцами, – сорвала с головы проклятый мешок и отбросила его в сторону. Крысы злобно и разочарованно пищали, но их беготне по моему телу теперь пришел конец. Я даже поблагодарила их, но только после того, как поднялась на ноги.

Люк, через который я сюда попала, найти не удалось. Крутясь по полу, избавляясь от веревок и вскриками распугивая крыс, я потеряла направление, в котором он был. Но какое это имело значение в сравнении с тем, что я опять распоряжаюсь своим телом и могу двигаться! После перенесенного это казалось почти свободой. А существование здесь крыс все-таки давало надежду на то, что вода не заливают тоннель полностью, и есть шанс уцелеть, даже если не удастся отсюда выбраться так быстро, как хотелось бы.

То, что пол тоннеля имеет небольшой уклон, я почувствовала сразу, как двинулась по нему. И двинулась, конечно, в сторону уклона, осторожно нащупывая дорогу ногами и скользя пальцами по шершавой стене. Не хватало еще рухнуть в какой-нибудь колодец! А уклон –

это направление к Волге. Если не встретится на моем пути никакой дыры, ведущей наружу, добреду до водосброса, а там, хоть вплавь, но выберусь на вольный воздух. О потоке воды из бассейна мне и думать теперь не хотелось.

Вскоре я добралась до поворота, а за ним, через несколько десятков метров, забрезжил свет, показавшийся мне райским сиянием. Он исходил из короткого и узкого бокового отхода, заканчивавшегося решеткой, перекрывающей выход на поверхность. У меня от радости даже слезы на глаза навернулись. Не скажу, что с решеткой я справилась быстро, но в конце концов сдвинуть мне ее удалось. А когда глаза окончательно привыкли к свету, я выбралась на дорогу, прямо под колеса пустой, стоящей у бордюра машины, и положила решетку на место, представив себе ребенка, проваливающегося в бетонную яму и из нее – в тоннель, в мчащийся по нему к Волге водный поток.

Невероятно, но я даже почти не испачкалась. Уклон тоннеля не давал воде застаиваться лужами на полу, а ежесубботные промывки исключали скапливание там грязи. Саднило руки, особенно покусанные крысами запястья. Ими, во избежание неприятностей, следовало заняться всерьез и как можно скорее.

Медленно шагая, я вернулась на улицу, на которой оставила машину. При виде ее, блестящей стеклами под лучами скупого ноябрьского, но такого приветливого солнышка, мне наконец-то стало хорошо.

Но это состояние мгновенно улетучилось, когда я подошла ближе и увидела сидящего в моей машине человека. Готова поклясться, что запирала ее перед тем, как отправиться к воротам гаража спорткомплекса.

Глава 3

Небывалое дело, целых две рюмки коньяка позволил себе Павел Иванович, дожидаясь связи с Москвой. Нетерпение грызло его, как оголодавший пес грызет окаменевший от мороза мосол, и тревога не давала сидеть на месте – гоняла взад-вперед по кабинету, от окон к двери и обратно. Возле двери он слышал, как Любовь Андреевна разыскивает Василия, раз за разом запускает московский набор, переговаривается с незнакомыми людьми, задает им одинаковые вопросы. Подходя к окнам, он видел внизу в стороне здание электроподстанции, и сам собой в голове начинал звучать грубый мужской голос со странными, какими-то по-женски мягкими интонациями, сообщавший ему о теле Тамары, сожженном током высокого напряжения. Позавчера, в четверг, когда настоящие неприятности еще только начинались, Василий приказал ему звонить и докладывать о малейших изменениях ситуации, обещал быть легкодоступным – и вот, пожалуйста, теперь его невозможно найти...

Первая рюмка сосудорасширяющего прокатилась горячим комком по пищеводу и ненадолго отвлекла от мрачных мыслей, но тревога вернулась, не успел он выкурить сигарету.

«Ни Васьки, ни связиста, ни списков от охраны, ч-че-орт!»

Чертыхнулся Павел Иванович в голос, громко, выбросил окурочок в форточку и вернулся к сейфу за второй порцией, махнув в воображении рукой на недопустимость такого пьянства в половине десятого, да еще на работе. На этот раз сосудорасширяющее тлеющим углем достигло пустого желудка, улеглось там и вызвало легкую тошноту. Но зато задышалось легче, голова очистилась от мыслей, и тревога отступила, оставив после себя поганое настроение. Захотелось сесть в кресло, закинуть ноги на стол и наорать на кого-нибудь грубо, по-держимордовски. И в это время по интеркому прозвучал голос секретарши. Любонька наконец-то обрадовала просьбой снять с телефона трубку.

Василий всегда умел организовывать дело на удивление быстро. Мгновенно просчитывал варианты, выбирал из них самые выгодные и почти никогда не ошибался. Если он рекомендовал что-то, в результатах можно было не сомневаться. Поэтому и до Москвы Васька добрался быстро, в свои тридцать шесть сделал карьеру, которая Павлу Ивановичу не могла присниться в самом счастливом сне.

Василий, выслушав короткий, взволнованный рассказ Павла Ивановича, помолчал и назвал брату номер тарасовского телефона, позвонив по которому нужно было слово в слово повторить все, ничего не скрывая.

– И на будущее, Паш, имей этот номерок в памяти. Но только обращай туда в крайнем случае, не по пустякам. Понял? Люди серьезные.

Предостерег Василий. Умник! Его бы воля, Степанов бы номер этот выкинул вместе с телефоном.

– Вася, ты меня к бандитам адресуешь, что ли? – попробовал пошутить Павел Иванович. Василий шутку не оценил, но понял и отшутился по-своему:

– Кто из серьезных людей не бандит хоть немного? – сказал и закончил разговор ставшим уже традиционным требованием держать его в курсе событий.

Позвонил Степанов по номеру сразу и, испытывая странное чувство, будто приходится догола раздеваться на сцене оперного театра, путаясь, сбиваясь, рассказал обо всем, как мог, немногословному абоненту. Тот посоветовал ничего больше не предпринимать.

Павел Иванович томился в бездействии более получаса, но, когда к подстанции подкатил миниатюрный фургон фордовской модели, не выдержал – метнулся к телефону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.